

Подфлажники*

Подфлажниками называют российских и украинских моряков, работающих на судах под иностранными флагами.

Вот жребий и брошен, контракт подписан, билеты на руках. До вылета двое суток.

Попутчиков от крюинговой компании нет, но это не огорчает. Маршрут известен по прошлому контракту: Одесса — Стамбул; Стамбул — Бахрейн; Бахрейн — Даммам, и вы в королевстве Саудовская Аравия. В Даммаме встретит агент компании, придет примерно через полтора часа после прибытия самолета, и с восточной неторопливостью за два-три часа оформит все необходимые бумаги. Затем отвезет в гостиницу и следующим утром доставит на фирму за получением спецодежды и обуви. После этого отвезет вас в порт Рас-Танура к борту судна "Кингфишер". А там уже ваш круиз по Персидскому заливу зависит от местонахождения вашего судна — от нескольких часов до четырех суток, возможно, и целую неделю. Но это неважно по дороге туда. Вы уже на работе с момента прохождения пограничного контроля в аэропорту Одесса, и зарплату вам уже начисляют. Да и в начале контракта время идет быстрее, постепенно замедляясь по мере его окончания. Было бы неплохо перенести это ощущение времени в нашу жизнь, где оно бежит с каждым годом все быстрее и быстрее.

Вот так примерно, вспоминая былое и размышляя о предстоящем, я незаметно доехал до дома, где и "обрадовал" жену скорым отъездом. Она принялась расспрашивать о деталях предстоящей работы, попутно перебирать вещи, которые надо приготовить в дорогу, составлять список, что нужно купить, — пытаюсь в хлопотах растворить печаль предстоящей разлуки. Моряк может долго ждать работы и быть в состоянии готовности "хоть сегодня уйти в рейс", но ожидаемая работа почти всегда приходит неожиданно. Так получилось и в этот раз. Два дня и две ночи пролетели мгновенно. И вот мы уже в аэропорту. Попрощались без лишних и ненужных слов.

С отрывом самолета от взлетной полосы мысли тоже оторвались от дома и унеслись далеко на восток, туда, где предстояло прожить следую-

* Рассказ печатается с сокращениями. Полную версию рассказа можно прочитать на сайте www.proza.ru/2010/03/01/501

щие четыре, а может, и пять месяцев. Пока было известно только то, что судно норвежской постройки, 1994 года, с автоматической системой динамического позиционирования. Именно наличие ДиПи-системы на этом судне и было основным доводом для подписания этого непривлекательного ни по деньгам, ни по району плавания, ни по продолжительности контракта. Это давало определенные преимущества в будущем, при поиске работы в оффшорных компаниях. Оффшор привлекает моряков возможностью уйти от длительных рейсов, не потеряв при этом в зарплатке, а иногда и выиграв. Найти хорошую работу нелегко. В оффшоре, как и на грузопассажирских судах, предпочтение отдается специалистам, имеющим опыт работы именно на таком же типе судна, как и то, на которое им нужны специалисты. Или, по крайней мере, имеющим опыт эксплуатации или обслуживания такого же оборудования, которое установлено на данном судне. Для электромеханика опыт обслуживания ДиПи-системы является пропуском для работы на самых сложных и современных судах. Я ехал работать на научном гидрографическом судне "КАРАН-8".

Стамбул, как всегда, встретил шумно и суетливо. Толкаться по многочисленным магазинам и кафе аэропорта в течение шести часов меня не тяну-

КАРАН-8

ло, поэтому пришлось раскошелиться на сорок долларов и пойти в "Миллениум" — зал ожидания для транзитных пассажиров повышенной комфортности, с отдельными помещениями для курящих и некурящих, со столиками, с открытыми шкафами-ячейками для одежды и сумок, а также с кафе самообслуживания шведского типа на восточный манер.

Не успел я выпить и полведра кофе, как объявили посадку на мой рейс. В самолете, несмотря на выпитый кофе, заснул и, надеюсь, не храпел. Посадки не почувствовал, проснулся от шума пассажиров, встававших с мест и достававших с багажных полок вещи. Взял свою сумку и тоже двинулся к выходу. Спускаясь по трапу, окончательно проснулся, а спустившись с трапа, с удивлением обнаружил, что я не в Бахрейне. Здание аэропорта было другое и намного меньше. Решил вернуться и спросить у стюардесс, те с улыбкой ответили, что это действительно не Бахрейн, а Доха. "Садитесь на свое место, — вежливо пригласили меня в салон, — сейчас полетим в Бахрейн". Вернувшись на свое место, я увидел, что самолет почти опустел, осталось человек двадцать. Проходя по салону, заметил двух спящих пассажиров. Возле них было большое количество пустых шкаликов от красного и белого вина. Наверное, соотечественники и, скорее всего, коллеги, подумал я, — ну кого еще может занести в эти не туристические для европейцев края? Уже сидя на своем месте,

осознал, что мог легко выйти в Дохе и отстать от самолета, лети я в первый раз. Ни в билете, ни на табло в аэропорту Стамбула не было написано, что самолет делает посадку в Дохе. Ни слова об этом не сказали и в крьюинговой компании, отправлявшей меня на работу. Да, контракт мог начаться весело и закончиться досрочно и грустно, попей я в "Миллениуме" не кофе, а коньяка, и "полирнись шаровым винчиком" в самолете. Пока я прокручивал в голове этот трагикомичный расклад, салон снова наполнился пассажирами, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. На высадку и посадку ушло минут двадцать, не больше. Молодцы, быстро сработали, если бы хлопнул ушами и сошел, то курил бы сейчас в зале транзитных пассажиров, еще ни о чем не подозревая. Курить от этой мысли хотелось уже не так сильно.

В Бахрейн прибыли в третьем часу ночи. Первым делом направился на перекур. Курить разрешено только в одном месте, и я знал, где оно находится. После пяти часов воздержания выкурил две сигареты подряд. Рейс на Даммам в 9.30 утра, времени навалом, пошел бродить по аэропорту.

Полет длился меньше получаса. Встречающий агент был уже в таможенной зоне с моей фамилией на табличке. Взял мои документы, сумку и без очереди, без таможенного досмотра провел меня из зоны контроля к автомобилю на стоянке.

К обеду я был на борту "Кингфишера". В прошлый раз я подружился со стармехом этого судна Славомиром из Польши. Слава был на борту и встретил меня как старого приятеля. Поселил в одноместную каюту и выяснил у капитана, где находится "КАРАН-8". Оказалось, что недалеко, и к вечеру я буду на месте.

Море было спокойное, "КАРАН-8" дрейфовал в ожидании "Кингфишера", включив все свое наружное освещение, и выглядел весьма внушительно. Пришвартовались, я передал свою сумку, а затем и сам через продуктовый люк перешел на борт судна, оказавшись сразу в надстройке, возле холодильных камер. Сразу же началась перегрузка продуктов, до меня никому не было дела. Матрос, который принял у меня сумку, уже принимал ящики с провизией, сумка стояла в коридоре. Вот так встреча! — ни тебе оркестра, ни красавицы с хлебом и солью. Даже тот, кого я приехал менять, не встретил, а это было странновато, мягко говоря. Но не будем торопиться с выводами, всякое бывает, может, человек возникшие технические проблемы решает, и ему сейчас не до вежливости и традиционных церемоний. Взял сумку и пошел по коридору в поисках трапа на мостик.

Тут в коридоре объявился индус с рацией, который и был вахтенным матросом.

— Вы новый электромеханик? Пошли, я покажу вам вашу каюту, — сказал он и, взяв у меня сумку, предложил следовать за ним.

Кабюта находилась рядом на этой же палубе, мы практически возле нее и стояли. Матрос постучал и одновременно со словами: "Виктор, вот твой сменщик!" — открыл дверь, не дожидаясь разрешения, вошел и поставил сумку. Хозяин поднялся навстречу, пожали друг другу руки, познакомились.

— Ну вот что, начальству представляться сегодня уже поздно. Давай сначала располагаться, а потом посвистим за жизнь, — предложил Виктор. — Вот твой рундук, вешай куртку, ставь портфель. Извиняй, твоя кровать верхняя, переберешься после моего отъезда. Не буду тебе мешать, пойду пока перекурю.

Курил он недолго, не терпелось узнать последние новости с Украины, да и просто хотелось поговорить на родном языке. Я его понимал, сам прошлый контракт был одним русскоязычным в экипаже. Так что проговорили мы почти до утра.

Поднялись в начале восьмого и после утреннего туалета пошли в кают-компанию пить кофе. Кофеварка была включена, и готовый кофе уже стоял на подогреве.

— Значит, Филипп уже встал, — прокомментировал Виктор. — Филипп — это старший механик, наш босс. Сейчас выпьем кофе, познакомимся. У нас с ним неписаное соглашение, — кто первый встал, тот и готовит кофе. Вот мерка, одна порция на литр воды. Больше не надо, потому что, кроме меня и деда, никто натуральный кофе не пьет (дедом на бывшем советском флоте называли старшего механика). Картежники спят до последнего, и по утрам завтракают в спешке. Некогда им утром кофе заваривать, бадяжат растворимое или чай в пакетиках сёрбают.

Я поинтересовался, кого он называет картежниками.

Он пояснил:

— Это сюрвейера — специалисты по составлению морских карт и по обследованию морского дна и подводных коммуникаций. Судно для них и построено. Наше дело их катать, куда скажут, и обеспечивать работу оборудования. У них имеется свой инженер-электрик. Он занимается сонарами и двумя подводными роботами. Мы помимо всего судового электрооборудования обслуживаем сюрвейерный катер и гидравлический подъемник для его спуска на воду. С катером будь внимателен. Эта игруш-

ка стоит почти два лимона американских рублей. В кают-компании у нас не курят, курить можно в комнате отдыха или в столовой команды. Хотя на "КАРАНЕ-8" кают-компания и столовая команды — это чистая условность. Здесь разделение по принципу восток-запад, а не офицеры и рядовые. Капитаны, например, все арабы, и питаются в столовой команды, там едят руками, без столовых приборов. А вот сюрвейера питаются здесь, даже арабские, — они все учились в Америке, Англии или Канаде и стали приверженцами западной культуры.

— Погоди, ты сказал — капитаны, разве на судне их несколько?

— Совершенно верно. На "КАРАНЕ-8" нет помощников капитана. Судном управляют только капитаны, прошедшие специальные курсы по ДиПи-системе и годичную стажировку. На судне четыре капитана и два капитана-стажера. Тут ты много чего непривычного увидишь, у меня поначалу глаза от удивления квадратными были.

Допили кофе. Пошли к деду. Его каюта находилась двумя палубами выше. По дороге Виктор предупредил, чтобы я не удивлялся экстравагантному виду нашего босса. Удивиться было чему. Стармехом оказался мужчина 55-60 лет, невысокого роста, плотного телосложения и абсолютно лысый. Одет он был в черную майку и шорты-бриджи розового цвета. На левой руке массивные механические часы, на правой руке и на обеих ногах браслеты из разноцветных камней. На шее две золотые цепуры. На одной — какой-то каббалистический символ, а на другой — якорь величиной с детскую ладошку. Он разговаривал по мобильному телефону и кивнул нам на диван, чтобы мы располагались, а сам ходил по каюте, как тигр в клетке, не обращая больше на нас внимания. Телефонный разговор был напряженный, я услышал все английские ругательства, которые знал, но сути разговора не понял. Закончив разговор, он сначала поздоровался с Виктором, затем подошел ко мне, я встал.

— Филипп, — коротко представился он.

— Леонид, — ответил я, и мы обменялись крепким рукопожатием.

Филипп, рассмеявшись, сказал, обращаясь к Виктору:

— А он не араб!

Я понял намек, и тоже обращаясь к Виктору и показывая на Филиппа, сказал:

— А он тоже!

Дело в том, что в арабской культуре крепкое рукопожатие не принято. Оно демонстрирует силу и означает агрессивные намерения. Арабы-мужчины обычно при встрече берут друг друга за руки выше локтя, слегка

прижимаются и троекратно касаются друг друга щеками. Со стороны может показаться, что они целуются. Наши новые русские так и делают, а молодняк их копирует, считая, что это круто. Арабы же помимо проявления дружелюбия во время такого приветствия демонстрируют друг другу, что они соблюдают заповеди Корана, и от них нет запаха алкоголя, а во время месяца Рамадан в светлое время суток от них нет также запаха табака и пищи. Так что арабы друг друга нюхают, а не целуют. Рукопожатия у них настолько вялые, что это даже и не рукопожатия вовсе, а просто соприкосновение ладошками. Так приветствуют незнакомых людей и чужестранцев. Они этим как бы показывают, что без оружия и не имеют враждебных намерений.

Дед не стал меня ни о чем расспрашивать, а сразу распорядился, чтобы Виктор шел показывать мне судовое оборудование.

Судно было немаленьким. К тому же, это был электроход. Начали, как и полагается, с машины...

В ручном режиме судном можно управлять с пяти постов управления. На каждом посту кнопочек, джойстиков, индикаторов и лампочек было как игрушек на новогодней елке. Вся информация поступала в бортовой компьютер и отображалась на мониторах по выбору оператора. Выбрать можно было одну из 500 страниц. Виктор приободрил:

— Не бойся, все сразу не поломается. Я плановое техническое обслуживание сделал с опережением. Надеюсь, у тебя будет пару недель осмотреться и изучить техдокументацию...

Время пролетело незаметно.

Виктор посмотрел на часы.

— Ого, мы с тобой заработались! Время спать, а мы еще не ели!

В кают-компанию мы пришли в числе первых. Один уже обедал, другой стоял возле раздаточного окна. Как только мы вошли, он сразу оживился:

— Привет, парни! О, Виктор, поздравляю! Наконец-то приехала твоя замена, — и уже обращаясь ко мне, продолжал: — Добро пожаловать на борт! Меня зовут Даррелл. А как твое имя?

— Мое имя Аурел Теофил Теофраст Бомбаст фон Гюгенгейм, — ответил я на полном серьезе, — но ты можешь называть меня просто Лео, — добавил я после небольшой паузы и протянул для рукопожатия руку.

Дарреллу шутка понравилась:

— О, да ты шутник! Из какого ты города? Я из Кейптауна, у нас тоже живут веселые люди.

— Из Одессы, столицы юмора, Украины, — ответил я.

— Снова шутишь?

— Нет, не шучу. В Одессе ежегодно проходит карнавал юмора. Приезжает много гостей. У меня есть даже видео, могу показать, — продолжил я разговор.

Виктор сделал заказ повару, я попросил повара положить мне то же самое. Пока повар выполнял наш заказ, Виктор сказал мне по-русски:

— Напрасно ты его зацепил, он тут местный забияка и всех подкалывает, теперь тебе покоя от него не будет.

Во время обеда я продолжил свое знакомство с экипажем, а после обеда перекурили и продолжили экскурсию. За два часа осмотр закончили, и Виктор подвел итог:

— Я свою мазурку отплясал. Все, что было, показал. Все, что помнил, рассказал. Дальше действуй самостоятельно, и если возникнут вопросы, я буду в каюте.

На своем опыте я убедился, что для изучения нового судна нужно время. Ни за день, ни за два этого не сделать.

На следующее утро мы вместе совершили обязательный ежедневный обход судна с целью визуального контроля работы оборудования и освещения. Начали с центрального поста управления. Спустившись в машинное отделение, встретили вахтенного механика, араба. Он заулыбался и, обращаясь ко мне, сказал:

— Собака хер мудир, — и вышел по своим делам.

Я спросил Виктора:

— Меня что, уже послали?

Он засмеялся и пояснил:

— Это был Исса — веселый добряк. Он сказал тебе "доброе утро, начальник". Мудир по-арабски значит начальник, господин, а не то, что ты подумал. Собака хер — доброе утро. Легко запоминается, правда? Кстати, по поводу выхода в интернет можешь обращаться к Иссе. Он мужик безотказный.

Жизнь на "КАРАНЕ-8" шла своим чередом. Проводив коллегу в отпуск, первым делом обустроился в каюте. Навел небольшой порядок и разложил свои вещи. Теперь это мой дом на несколько месяцев. О присутствии моего предшественника напоминал маленький бумажный украинский флаг, приклеенный с внутренней стороны входной двери, да лист бумаги, прикрепленный к книжной полке с напечатанным на украинском языке приветствием следующего содержания:

*Вітаю Вас,
шановний,
на борту КАРАН-8!*

Найперше — зичу Вам міцного здоров'ячка, спокійної роботи і високої зарплати.

По-друге, не рвись в герої, поки не покличуть і не заплатять, бо герої мають бути Живими, Здоровими та (бажано) Багатими.

Як казали древні греки: живий пес набагато кращий, аніж здохлий лев.

А відносно зарплати є славна українська приказка про те, що тільки дурень думкою багатіє. В житті є деякі відмінності від математичних законів.

Наприклад:

Від переміни місць сума ($\Sigma \$/€/\text{Hrn}$) сильно міняється.

Буде шия, то ярмо на неї знайдеться.

А тепер повернемося до справ корабляцьких. Заставляю різними методами закривати двері в туалетах (розумію, що таке поняття, як двері, в багатьох культурах відсутнє. Особливо в теплих краях, але, але...)

Буває, що сморід повзе по коридору і через кондиціонер потрапляє до кают. Неприємно, як мінімум...

Я в каюті встановив прискавку, приблизно раз на годину чути котячий чих.

На кондиціонерах за номерами 1; 2; 3; 36 встановлено новий контролер температури.

Інструкція на контролер буде додана до цього листа.

Приветствие-напутствие выбрасывать не стал, снял и положил в архивную папку с инструкциями.

Следующие несколько дней выдались спокойными, и я за это время осмотрелся и притерся, как говорится. Успел со многими познакомиться. Затем на судно прибыл стармех Ибрагим и заменил Филиппа, который уехал в Таиланд на три недели отдыха.

Украинские моряки работают здесь в нескольких оффшорных компаниях, которые специализируются по типам судов, но все работают на одну компанию "Арамко", которая и является собственником портов, нефтяных терминалов, трубопроводов, насосных станций и большинства судов.

Для специализированных судов имеется два основных технических

порта — Рас-Танура и Танаджиб. Здесь суда заправляют водой и топливом, снабжают запасными частями и продуктами питания. Отсюда отправляют все снабжение на строительство и ремонт морских нефтяных трубопроводов и объектов. Сюда свозят технические отходы и бытовой мусор с этих объектов.

В этих портах суда ремонтируют. В Рас-Тануре имеется даже свой плавучий док для капитального ремонта судовых корпусов.

Во время стоянки в портах моряки имеют возможность общаться между собой и обмениваться фильмами и книгами, а также информацией из первых рук о том, кому как работает, и где как платят.

"КАРАН-8" заходил в Рас-Тануру довольно часто. Раз в неделю, а то и чаще. В один из таких заходов я познакомился с Леонидовичем — капитаном буксира, который стоял в сухом доке на ремонте. Он ходил вдоль всего причала порта спортивной походкой. Судя по его комплекции, он боролся с лишним весом. Я подождал, когда он снова будет проходить мимо нашего борта, поприветствовал его на русском языке и спросил:

— Что, земляк, воюем с лишними килограммами?

На что он бойко ответил:

— Ни в коем случае, наоборот, нагуливаю аппетит перед ужином! Давай присоединяйся, если есть желание и возможность!

И возможность, и желание были. Я сошел с судна, и уже через минуту мы зашагали вдоль причалов вместе, по ходу знакомясь. Через семь кругов по порту я знал его историю жизни, а он — мою.

Константину Леонидовичу было 57 лет. Он окончил в Ленинграде Высшее военное морское училище. Всю жизнь посвятил Военно-Морскому Флоту и провел на военных кораблях. Дослужился до должности командира БПК (большого противолодочного корабля) и ушел на пенсию в звании капитана первого ранга. После службы вернулся в родные края, на Украину. Купил домик и обосновался под Киевом. Поначалу с подачи своих высокопоставленных друзей-сослуживцев открыл совместный бизнес в Киеве. Имели два автосалона, специализировались на продаже дорогих автомобилей. Затем ему надоела вся эта бизнесовая возня с наездами и крышами. Имитировал запой, чтобы не обижать друзей прямым отказом продолжать уже налаженное дело. Руководство бизнесом вместе со своей долей передал своей второй жене — в качестве отступных при разводе. Первая жена вместе с двумя сыновьями эмигрировала в Канаду еще в начале девяностых, сразу после его ухода с военной службы. Так что он теперь счастливый холостяк. Военная пенсия приличная, но сидеть без

дела тошно. Вот снова и вернулся в моря. В этой компании капитанит на буксире уже три года, который неделю как в ремонте. Его поселили в небольшую портовую гостиницу. Вся его работа заключается в том, чтобы утром прийти на пятнадцатиминутную рабочую планерку. Леонидович изнывал от безделья и с нетерпением ожидал прибытия своего напарника, тоже капитана этого же буксира. Работа их буксира заключалась в постановке танкеров к нефтяному терминалу под погрузку. А загруженные танкера оттягивать от терминала на безопасное расстояние. Работа была круглосуточная, и они несли ходовую вахту шесть часов через шесть.

Слава, его напарник, был родом из Севастополя. По иронии судьбы, он тоже был военным моряком и тоже дослужился до звания капитана первого ранга. Но нес службу на подводных лодках. Со слов Леонидовича, Слава хорошо разбирался в компьютерной технике и электронике и являлся фанатом штурманского дела. Кроме этого, был весельчаком, выдумщиком и массовиком-затейником. Поэтому с его прибытием житуха должна была повеселеть.

Как-то само собой получилось, что я стал называть своего нового знакомого Леонидовичем. По имени-отчеству здесь никто друг к другу не обращался. А называть его Костей язык не поворачивался. Леонидович сказал, что они будут на ремонте два месяца, и их команду расформируют на другие суда. Он слышал, что на "КАРАН-8" пошлют матроса с их буксира, индуса по имени Правин. Сказал, что он проработал с ними больше года, и что он нормальный парень. А также попросил меня по возможности подсказать ему, что к чему на нашем судне, и посодействовать чем смогу.

Подшло время ужина. Леонидович сказал мне номер комнаты гостиницы, где он проживал, и приглашал заходить в гости, когда будем в следующий раз в порту. Я тоже пригласил его заходить в гости на "КАРАН-8" без письменного приглашения на фирменном бланке.

Рано утром мы ушли в море. На судне произошла очередная частичная смена экипажа. Помимо тех, кого я уже знал, появились новые лица. Вернулись из отпуска еще один старший механик Белла и мой коллега, электрик Халид. Меня с ними познакомил Ибрагим. У сюрвейеров появилось двое новых для меня людей. Индонезиец Эдмунд и бразилец Марсело. Нового матроса я заметил не сразу, а только после обеда, когда вышел перекурить на палубу. Мы познакомились. Это был тот матрос, за которого говорил Леонидович. Я передал ему привет от его бывшего капитана и сказал, что если у него возникнут какие-нибудь вопросы, то он может

обращаться ко мне. Правин искренне обрадовался, что за него не забыли. И сказал, что "кэптин" Слава и "кэптин" Костя очень хорошие капитаны, и ему жаль, что буксир поставили в ремонт, и его перевели на другое судно. Я ему ответил, что здесь тоже хороший экипаж и нормальные капитаны. Он недоверчиво посмотрел на меня и, отрицательно покачивая головой, промолвил:

— Нет, таких как они, я здесь больше не встречу, — помолчав, с грустью добавил: — Никогда.

По роду своей работы я общался со всем экипажем — от уборщика до капитана. Потому что помимо ежедневного простого осмотра оборудования я еще и выяснял у персонала, который его использовал, есть ли с ним какие-нибудь проблемы в работе, или нет. Много ходил и много общался, поэтому познакомился со всеми быстро.

В один из вечеров поднялся ветер. И в порт начали прибывать суда, чтобы переждать шторм. Места на причалах не хватало, и входящие суда швартовались к бортам судов, уже стоящих у причала. К нашему борту пришвартовался водолазный бот, капитаном которого был грузин.

Я увидел его сразу после швартовки. Он расспрашивал нашего матроса, есть ли у нас члены экипажа из Грузии или Украины. И я поприветствовал его по-грузински:

— Гамарджоба, генацвале!

— Гамарджоба, дорогой! Откуда ты?

— Из Одессы. А ты?

— Из Поты, дорогой, из Поты. Слушай, у тебя фильмы есть? Я свои уже по два раза пересмотрел. Если есть, давай меняться.

— Давай. Кто к кому в гости пойдет?

— Приходи ты. А то я должен быть на мостике, пока порт-контроль меня по радио не вызовет.

— Хорошо, ставь чачу в холодильник, минут через десять буду.

В Грузии я не бывал, но со слов капитанов ремонтируемого буксира знал, что есть две дыры на Черноморском флоте — Донузлав и Поты. В этих портах раньше располагались базы минных тральщиков Черноморского флота, а также туда отправляли всех залетчиков в ссылку. Им тоже выпала честь там послужить. И Поты они оба отдавали предпочтение, потому что местная виноградная водка — чача — валила с ног не хуже, чем пулемет Дегтярева.

Я взял в каюте свой жесткий диск на 500 "гектар" да пару десятков

дисков и отправился на водолазный бот. Зураб, так звали капитана бота, уже меня ждал. Он предложил, чтобы вначале я выбрал фильмы с его жесткого диска и скопировал их на свой, так как он хочет переформатировать свой жесткий диск, разбив его для удобства на три тома. Я не возражал и принялся изучать коллекцию фильмов Зураба, который в это время просматривал принесенные мной диски. Я выбрал всего несколько фильмов, остальные либо уже смотрел, либо у меня они были тоже. Я составил список отобранных мной фильмов и стал показывать Зурабу, что имелось на моем жестком диске. У меня была большая коллекция советских старых фильмов.

Зураб вначале тоже составлял список. Когда мы дошли до файла "фильмы Резо Габриадзе", эмоции так захлестнули Зураба, что он чуть не расплакался:

— Вот это подарок! Вах, какой молодец! Ты посмотри! Все фильмы Резо у него есть, даже самые старые короткометражные. А у грузинского капитана одни только американские боевики! Хорошо, что родители не видят моего позора. Эх, жаль, что мы не встретились в какой-нибудь другой стране, я бы тебя, дорогой, хоть угостил, как положено за такой подарок. А здесь нельзя, сам понимаешь. Кока-колу даже предлагать не буду, а то еще расскажешь кому-нибудь, чем тебя грузинский капитан угощал. Я тогда точно такого позора не переживу.

— А ты здесь один на судне? Или есть еще кто-нибудь из наших? — решил я отвлечь Зураба от самобичевания.

— Старпом у меня тоже грузин. Отари его зовут, спит сейчас после вахты. Вот обрадую его, когда проснется. Слушай, дорогой, с фильмами тут до утра времени понадобится, чтобы все скопировать. Погода плохая, ночью точно в море не выйдем. Ты, если можешь, оставь все у меня до утра, и список фильмов, которые тебе понравились, тоже оставь. Я сам все скопирую и завтра утром диски принесу тебе на судно. Если вдруг ночью мои водолазы кому-то срочно потребуются, и нам придется уходить, то я твои диски передам вашему вахтенному матросу. Обещаю. Или ты тоже думаешь, что все грузины мошенники? Давай я тебе залог оставлю?

— Брось, Зураб, какой залог, о чем ты говоришь? С грузинами я дело имел. У меня в армии друг из Тбилиси был, да и сейчас в Одессе есть несколько знакомых грузин. Под их слово никогда залога не требовалось, — слегка обиделся я на предложение о залоге.

— Извини, дорогой! Не хотел тебя обидеть. Так, значит, договорились?

— Конечно, договорились. О чем речь?

Я объяснил, как найти мою каюту, и ушел. Зураб пришел следующим утром, сразу после завтрака.

— С праздником, дорогой! — сказал он вместо приветствия, пожимая мне руку.

— И тебя, Зураб, с праздником! А что, разве сегодня уже 9 Мая?

— Да, сегодня уже 9 Мая! Вот, держи подарок! — сказал он, вытаскивая из пакета блок сигарет, и положил его на мой стол.

Я понял, что грузин хитрит и просто желает отблагодарить меня за фильмы. Фильмами и книгами все обменивались здесь просто так, без всякой коммерции. Но отказываться было бесполезно, все равно назад бы он уже подарок не взял, ни под каким предлогом. Подарить такой же блок сигарет было равносильно отказу, и он бы тоже его не взял. Я сообразил, как выкрутиться, и достал пачку хорошего трубочного табака. Подарок был не равноценным по стоимости блока сигарет и позволял Зурабу чувствовать, что мы не просто обменялись равноценными подарками, а что он все-таки меня отблагодарил в меру возможностей.

— А это тебе подарок, — сказал я, протягивая ему табак.

— Хитрый, да? — заулыбался, разгадав мой маневр, Зураб. — Да у меня даже трубки, чтобы табак курить, нет. Может быть, лучше оставь себе?

— Трубку купишь, не бедный! А если мой подарок не возьмешь, сигареты твои выброшу. Честное слово.

— Хорошо, хорошо, дорогой, не буду даже спорить! Ты меня извини, я заскочил всего на минутку, мне надо возвращаться на свой крейсер. Я думаю, еще увидимся, поэтому не прощаюсь. По прогнозу, два-три дня штормить будет. Ну ладно, бывай! Я пошел отсыпаться. Твои диски в пакете. И еще раз спасибо тебе за грузинские фильмы, дорогой, очень ты меня порадовал!

Зураб ушел на свой бот, а я занялся починкой стиральной машинки, с которой и провозился до самого обеда. Когда я пришел в кают-компанию, там уже были почти все сюрвейера. Мое обычное место было свободно, и я поспешил его занять. Напротив меня уже обедал американец Джон, рядом с ним австралиец Нил. Следом за мной пришел Филипп, и наш столик был полностью укомплектован.

— Привет парни! Отличная сегодня погода! — приветствовал всех Филипп. Сюрвейера посмеялись каламбуру Филиппа. Потому что погода была плохой, но для сюрвейеров она означала вынужденный выходной день. Так что для них она была хорошей.

— Какие новости? Кто-нибудь включал сегодня телевизор? — поинтересовался у присутствующих шотландец Стюарт.

— В Москве что-то военные празднуют, — ответил бразилец Марсело.
— А что празднуют сегодня русские? — попытался уточнить у Марсело араб Фахад.

— Не знаю, я переключил канал, — ответил бразилец.

— А ты у Лео спроси, он, наверное, знает, — вступил в разговор Даррелл.

— Сегодня День Победы над фашистской Германией во второй мировой войне, — ответил я Фахаду, не дожидаясь, пока он спросит меня лично.

— Странные эти русские. Америка выиграла эту войну, а они празднуют, — сказал Джон.

От неожиданности я поперхнулся супом и уронил в тарелку ложку. Все обернулись. А я, кашлянув, чтобы прочистить горло, задал наглецу вопрос:

— Ты, видно, пошутил, Джон? Неудачная тема для шуток.

— А кто тебе сказал, что я пошутил? Это исторический факт! — улыбаясь своей приклеенной улыбкой, с уверенностью заявил Джон.

— Да какой, к черту, факт? Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, а Америка начала военные действия против Германии только в июне 1944 года. Всего за год до окончания войны, когда уже никто не сомневался в победе СССР. Во время военных действий американцев погибло меньше, чем за то же время погибло на американских дорогах в результате аварий. Конечно, Америка помогала, она поставляла оборудование, продукты и медикаменты. Но за деньги. СССР после войны еще много лет платил деньги за американскую помощь. Бизнес Америка сделала на этой войне, а за победу заплатил СССР жизнью двадцати миллионов человек.

Видимо, я слишком эмоционально говорил, потому что кушать все перестали и смотрели на нас с Джоном, у которого было такое удивленное лицо, что он даже рот забыл закрыть.

— Заработала деньги или выиграла войну? Какая разница? Это ведь одно и то же, — с искренним недоумением и удивлением в голосе наконец-то констатировал он.

— Нет, не все равно. Одним деньги, другим — память и слава. Получили деньги — и отвалите, не надо говорить, что вы выиграли.

— Это было так давно, парни, что уже пора забыть про эту войну, — высказал свое отношение к нашему спору Нил.

— Нет, Нил, такое забывать нельзя! Сколько людей живет в Австралии? — поинтересовался я у него.

— Около двадцати миллионов примерно, — ответил тот.

— Извини за сравнение, но давай уьем всех жителей Австралии и черз пятьдесят лет забудем об этой трагедии. Тебе это понравится?

— Как это уьем всех жителей, они же не солдаты на войне? — удивленно спросил Нил.

— Да очень просто. Попросим, например, Америку сбросить несколько атомных бомб на Австралию, они за хорошие деньги что угодно делают. Тем более им не в первый раз. На Японию они уже бросали две атомных бомбы, сожгли два города вместе со всеми жителями, — ответил я ошарашенному моим гипотетическим предположением австралийцу.

Но тут пришла очередь Джона потерять контроль над своими эмоциями, он почти прокричал:

— Что за чушь? Америка никогда не бросала ядерных бомб на Японию! Это наглая ложь, и ты, Лео, за это ответишь!

— Неужели? А кто же тогда, по-твоему, 6 и 9 августа 1945 года сбросил атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки? Или они сами на себя их сбросили? — ответил я, стараясь быть спокойным. Джон кинул вопросительный взгляд на Филиппа, и тот утвердительно кивнул ему головой.

— Все, хватит, брейк. Закрыли политический диспут. Дайте спокойно пообедать! — сказал до сих пор молчавший новозеландец Йен, постукивая при этом ножом по стеклянной бутылке.

Закончили обед и разошлись молча. Я пошел курить на корму. Целый день мои мысли крутились вокруг этого разговора за ленчем. Почти все присутствующие были с университетским образованием. Все прекрасные специалисты своего дела, иначе бы они просто не работали в "Арамко". И вдруг такая ограниченность кругозора. Про вторую мировую войну слышали краем уха. Не знают, кто с кем воевал и кто одержал победу.

За такими невеселыми размышлениями и прошел почти весь этот день. Где-то около пяти часов вечера я решил пойти развеяться от этих мыслей к своим капитанам с буксира.

Там меня ожидал очередной сюрприз. Застал я неразлучных военных как раз перед выходом на вечернюю прогулку, которая обещала быть не скучной. Дело в том, что Слава доставал Леонидовича пройти вдоль всего причала строевым шагом, тем самым имитируя военный парад в честь Дня Победы. Леонидович, естественно, упирался. И у них как раз шла словесная перепалка по этому поводу.

— Отцепись от меня, Слава! По-хорошему прошу!

— А как заливал соловьем?! Леня вот мне не даст соврать. "Будешь

возле буксира, втяни живот. Мы хоть и в запасе, но все равно в строю!" — копировал интонации Леонидовича Слава.

— А я говорю, отцепись от меня! Хватит, на первомайскую демонстрацию уже сходили! Или забыл уже? — отбивался Леонидович.

— Так то демонстрация! А это почти военный парад!

— Какой парад, Слава? Ты в своем уме? Будем топать по причалу, как два идиота. Все подумают, что у нас точно крышу от безделья сорвало!

— Все, Леня, сливай воду! Грустная история, конечно, но что поделаешь? Отсырели детонаторы у Леонидовича! И порох весь промок на хрен! Теперь только медитировать и остается. Даже бабы больше не интересуют его, нашего бывшего истребителя подводных лодок. Так что он уже даже не в запасе. Кому такой запас нужен? Списан подчистую. Так что, Леня, придется тебе идти со мной вместо Леонидовича! Пойдешь?

— Пойду, — неожиданно сам для себя ответил я решительно.

— Видал?! Без тебя обойдемся, Леонидович!

— Леня, ты что, серьезно пойдешь строевым шагом с этим безумным авантюристом вдоль всего причала? — удивленно спросил Леонидович.

— Пойду, Леонидович. Сегодня за обедом зацепился с нашим американцем по поводу Дня Победы. Он заявил, что странные эти русские. Америка выиграла войну, а они празднуют!

— Ни хрена себе заявочка! — не сдержался Леонидович.

— Вот и меня это тоже зацепило. Пойду потопаю вместе со Славой, может быть, попустит.

— Так это в корне меняет постановку вопроса о моем участии в импровизированном военном параде! Надеюсь, ты не промолчал? Ответил достойно этому самозванцу?

— О, я вижу, порох уже начинает просыхать! Тогда будешь командовать, Леонидович! У тебя голос лучше поставлен, — оживился Слава.

— Договорились. Но чтобы топали мне, как положено! — уже по-деловому продолжил Леонидович.

— Леня уже в комбинезоне. Так что и нам надо скинуть тапочки и шорты, комбезы у нас одинаковые! — продолжил Слава.

Сказано — сделано. Капитаны быстро переоделись в комбинезоны, и мы в одинаковой униформе пошли на исходную позицию, в конец причала.

Леонидович встал впереди, мы в шеренгу сзади. Получился как бы треугольник. Леонидович дал положенные команды: Равняйся! Смирно! Строевым шагом ша-гом марш! И мы прошли вдоль всего причала, ни разу не сбившись с ноги. Леонидович маршировал впереди, по привычке од-

ной рукой как бы придерживая воображаемый кортик, чтобы тот не болтался во время ходьбы строевым шагом. В конце причала скомандовал:

— На месте — стой! — и для верности дал счет: — Раз, два.

Развернулся к нам лицом. Опять скомандовал:

— Равняйся! Смирно! Вольно, разойдись!

И мы пошли гулять дальше, уже без строя и строевого шага.

Возле пришвартованных рядом буксиров нас поджидали четверо азербайджанцев. Они после приветствия и поздравления с праздником немного смущенно поинтересовались, что случилось, и почему мы шагали строем по причалу. И как бы оправдываясь, добавили, что у них телевизоры не показывают из-за антенны, и они не в курсе последних событий в мире. Мы их успокоили, что в мире все спокойно. Просто мы решили так отметить День Победы. Потому что по сто грамм за Победу здесь не выпьешь. А вообще никак не отметить этот праздник тоже как-то нехорошо, мы все служили в армии. Да тут еще и один американец заявил, что это Америка выиграла войну!

— Ты смотри! Билядь какая! — возмутился самый старший из них. — Если бы вы нам об этом сказали, мы бы тоже с вами строем прошли!

— Так за чем дело стало? Давайте. Мы готовы еще раз вместе с вами пройти! Это уже посолидней будет. А то мы маячили тут, как три тополя на Плющихе, — неожиданно предложил Леонидович.

— Ты серьезно, капитан? — уточнил тот же азербайджанец.

— Такими вещами не шутят, ара (так в армии обращались к азербайджанцам, если не знали имени, они не обижались, потому что ара означает друг), — подтвердил Леонидович.

— Тогда подожди пять минут, я схожу на соседний буксир. Там тоже наши земляки работают. Могут обидеться, если не позовем. Хорошо?

— Подожди, Леонидович, — вдруг вмешался Слава, — одна закавыка имеется. Мы, конечно, не нарушаем ни одного пункта в контракте. Есть только один скользкий момент. Время-то еще рабочее. И если наш парад кому-то из местного начальства не понравится, то есть формальный повод домахаться. Предлагаю всем желающим пройти строем ровно в шесть часов, собраться вон в той беседке под пальмой.

— Значит, на том и порешим, собираемся в шесть под пальмой, — подытожил Леонидович.

До шести было еще почти сорок минут. И я, по примеру азербайджанцев, решил сообщить о предстоящем параде грузинскому капитану с водолазного бота и направился в сторону своего судна. Слава с Леонидовичем направились сразу в беседку.

Без пяти шесть под пальмой возле беседки собралось больше десяти человек.

— Ну, вот и ладно. На минимальное военное подразделение нас уже набралось. Не хватает только военного оркестра, поэтому предлагаю пройти с песней, как положено, — обратился ко всем Леонидович.

— А какую песню будем петь? — поинтересовался один из азербайджанцев.

— А вы какую песню в армии пели? — спросил его же Леонидович.

— "У солдата выходной", — ответил тот.

— Вот и хорошо, напомним нам первые два куплета, — попросил его Леонидович.

Тот немного замешкался, видимо, стесняясь петь, но Слава пришел ему на выручку:

— Да ты не пой, а просто текст песни словами скажи. И нам запомнить будет легче! А мотив потом напоешь, если кто не знает.

Слова были нехитрыми. Да и многие эту песню уже слышали. После того как ара рассказал текст песни, Слава вполголоса ее напел. Леонидович посмотрел на часы и сказал:

— Куранты пробили шесть, пора, господа, — и затем уже громко, командирским голосом продолжил: — Слушай мою команду! В шеренгу по ранжиру становись!

Когда все построились по росту, Леонидович скомандовал:

— На первый-второй-третий рассчитайся! — и после окончания расчета продолжил: — Первые номера на месте, вторые шаг, третьи два шага вперед шагом марш, налево, сомкнись! Шагом марш!

Вспомнив молодость, зашагали браво. Дав немного привыкнуть к строевому шагу, наш командир скомандовал:

— Песню запевай!

Мы успели пропеть два куплета и прошли больше половины причалов, когда появился джип береговой охраны. Он направился в нашу сторону и остановился у нас на пути, метрах в десяти от строя. Леонидович не растерялся и скомандовал:

— На месте стой! Смирно!

А сам строевым шагом направился к джипу. Подойдя, отдал честь и по-английски доложил:

— Господин офицер! Офицеры-резервисты дружественных королевств Саудовская Аравия стран празднуют День Победы и окончания второй мировой войны. Рапортует капитан первого ранга Лагутин!

Удивленный происходящим, арабский офицер тоже отдал честь. Леонидович продолжил:

— Разрешите продолжать, господин офицер?

После небольшой паузы тот ответил:

— О'кей, через десять минут закончить.

По его команде два солдата вылезли из джипа, а он вместе с водителем джипа уехал. Леонидович развернул строй, и мы, еще раз пропев два куплета нашей строевой песни, домаршировали до нашей исходной позиции, где и закончили наш импровизированный парад. Мы не спешили расходиться по своим судам и расположились в беседке под пальмой для перекура. Через пару минут вернулся джип, но уже без офицера. Водитель вынес из машины упаковку холодной кока-колы и, сказав, что это от господина офицера, передал ее Леонидовичу. А сам, подобрав двух оставленных для присмотра за нами солдат, уехал. Мы еще некоторое время пообщались, вспоминая, в основном, свои армейские годы, курия сигареты и попивая напиток наших бывших американских союзников, и тоже начали расходиться. Настроение у всех было приподнятое.

Я решил позвонить домой и пошел на судно за мобильным телефоном. Возле трапа встретил Даррелла и Йена, они грузили аппаратуру в служебный автомобиль.

— Лео, тебе что-нибудь надо купить в городе? Мы с Йеном едем в офис.

— Спасибо, Даррелл. Если получится, купи большой торт, пожалуйста.

— Хорошо, без проблем. А что праздновать будешь?

— День Победы.

— Кстати, вы здорово маршировали. Хочу спросить тебя. Почему ты сегодня за ленчем так волновался за русских? Ты ведь с Украины, и фамилия у тебя немецкая?!

— У Джона, кстати, фамилия тоже немецкая, но ему нравится Америка.

— Кажется, я понял. Вы просто играете за разные команды, да? Джон за Америку, а ты за Россию?

— Можно и так сказать. А ты, Даррелл, за какую команду играешь?

— Я не играю, политика меня не интересует. Моя команда — это я и моя семья.

— А ты, Йен, за какую команду?

— Я, как и Даррелл, тоже поддерживаю нейтралитет.

— Так это просто замечательно, парни, вы меня порадовали!

— Тебе-то, Лео, какая от этого выгода?

— Как это — какая выгода, Даррелл? Прямая. Вот, например, в американской команде не будет хватать игроков. И что, где их искать? Вот вы с Йеном будете играть за Америку? Нет. Ну, а если российской команде понадобятся дополнительные игроки? Да вы своими глазами сегодня видели, как мы быстро построились на причале. Кстати, среди нас не было ни одного гражданина России. Были люди с Украины, Азербайджана, Грузии. Раньше мы были одной страной, и День Победы — это наш общий праздник.

Они уехали. А я пошел звонить домой.

Лена обрадовалась моему звонку. Мы обменялись поздравлениями. Затем она рассказала, что сегодня по традиции в честь Дня Победы курсанты Одесской национальной морской академии прошли строевым маршем с оркестром через весь центр города, от главного корпуса академии до памятника Неизвестному Матросу.

— Наш Артем тоже был в строю, а я снимала все на видеокамеру. Набегалась так, что ног не чувствую, но зато съемкой осталась довольна. Придешь из рейса, мы тебе покажем, какие мы молодцы. Позавчера была на праздничном концерте Одесского национального филармонического оркестра. Хобарт Эрл (дирижер и руководитель оркестра. — **Прим. автора**), конечно, гений. Концерт был замечательным, а концовка просто потрясающей. Представляешь, оркестр отыграл концертную программу, публика аплодирует, требует на бис. Оркестр сыграл на бис, музыканты кланяются, начинают уходить со сцены. Но публика музыкантов отпускать не хочет, продолжает аплодировать и требовать на бис еще раз. Оркестр возвращается, Хобарт снова становится за дирижерский пульт, публика затихает. И тут грянул марш "Прощание славянки", зал, как по команде, встал одновременно. Аплодировали стоя, у многих на глазах были слезы. По эмоциям это был даже не шторм в 12 баллов, это было цунами, которое просто всех накрыло. Жаль, тебя не было на этом концерте.

Мы еще немного поговорили о домашних делах и попрощались. Мои мысли еще какое-то время по инерции крутились вокруг телефонного разговора и незаметно переросли в философские рассуждения. Интересный человек этот Хобарт Эрл. Сын испанки и американца, поздний ребенок. Родился и жил в Венесуэле, окончил Венскую консерваторию. В начале девяностых приехал в Одессу, стал руководителем городского филармонического оркестра. Сумел сохранить разбегающийся коллектив оркестра в смутное время. И не просто сохранил, а поднял статус городского филармонического оркестра до уровня национального. И все это не

благодаря, а вопреки обстоятельствам. Видимо, внешние обстоятельства не в силах остановить талант или помешать гению выполнить свою миссию. Гений абсолютно бескорыстен, поэтому он находится вне конкуренции и практически неуязвим. У него нет врагов, у него могут быть только завистники.

На следующий день распогодилось, и суда разбежались по всему Персидскому заливу выполнять свою работу, оставив на причале двух капитанов ремонтируемого буксира да воспоминание о военном интернациональном параде в честь Дня Победы, который они шутя сумели организовать. За оставшиеся почти три месяца моего контракта такого скопления судов в порту я больше не видел, хотя штормовая погода и была еще не один раз.

Доработал я свой контракт нормально. Жизнь людей и работа экипажа на "КАРАНЕ-8" шла размеренно, своим чередом. Одни уходили, другие приходили. Пришло и мое время возвращаться домой.

Обычно моряку после возвращения из рейса друзья и знакомые задают при встрече один и тот же вопрос:

— Ну, как там моря?

— Да все нормально! — а как же еще можно ответить на такой вопрос без душевного разговора за рюмкой чая?

Персидский залив, 2009 год

